

Валерий Бронников

Огненный шквал

Валерий Бронников

Огненный шквал

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Бронников В. В.

Огненный шквал / В. В. Бронников — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Когда горит лес – это беда. Когда горит не только лес, но и всё вокруг, гибнут люди, сгорают дома, машины – это двойная беда. Лесные пожары – бедствие, характерное не только для России. О людях, живущих у леса, кормящихся тем, что даёт лес, о пожарных-десантниках, малой авиации рассказывает повесть «Огненный шквал», основанная на реальных событиях. Все имена литературных героев изменены, совпадения могут быть только случайными. С уважением к читателям

Автор

Реформы больно били не только совхозы или леспромхоз. Они корёжили и уничтожали на корню все предприятия, которые едва держались на плаву или дотировались из бюджета. Дотировать со временем стало не из чего, а точнее – этим заниматься никто не хотел. Бюджет трещал по всем швам, верстался с большим дефицитом и, где брать деньги, никто не знал. Авиалесоохрана числилась в городке далеко не основным предприятием или, как говорят, не градообразующим. Она оказалась на задворках перестройки. От бывшего лесного дозора ничего не осталось. Авиация, хоть и работала, но едва держалась на плаву. Основной самолёт АН-2, который производил патрулирование лесов, остался без бензина Б-91\115. Заводы, выпускавшие это топливо, закрывались один за другим, цены на бензин неимоверно ползли вверх, а потом его и совсем не стало. Производить этот бензин себе в убыток никто не хотел. Когда-то, всего пару лет назад, патрулирование лесов производилось по три раза на дню, а теперь самолёт не мог сделать и одного вылета в сутки.

Начальник отделения региональной авиабазы Шипов городка Сосенки не знал, как свести концы с концами. Денег выделялось всё меньше, а плановые тренировки и прыжки с парашютом никто не отменял. Они должны выполняться в определённые для этой цели сроки. Отделение, в отличие от других подразделений, закрывать не собирались. Сверху уверенно отдавали распоряжения, забывая подкреплять их финансами. Войти в положение больших начальников можно, но как решать финансовые вопросы и платить заработную плату, становилось совсем непонятно.

Алексей Михайлович имел приличный возраст, недавно перевалило за пятьдесят, но, тем не менее, он выглядел энергичным, спокойным и хозяйственным, вежливым и общительным. Казалось со стороны, что реформы его никак не касаются. Он составлял, как обычно, планы тренировок, профессиональной учёбы, наводил порядок на базе и умудрялся даже кое-что приобретать и ремонтировать. На вид он казался немного тучноватым, коренастым и медлительным. Казалось, что это сам тормоз реформ, но всё оказывалось далеко не так: отделение осталось существовать, только благодаря его начальнику и сохранённому коллективу. Он умудрялся, каким-то образом, выплачивать заработную плату в то время, когда во всех предприятиях имелись огромные долги по зарплате.

– Виталий Семёнович, проводи сегодня теоретические занятия, – дал указание он одному из командиров групп парашютистов.

– Когда же мы, наконец, полетим? – в свою очередь спросил Виталий.

– Прилетит самолёт, и полетите, а пока занимайтесь. Центральное авиапредприятие должно прислать самолёт. На местные авиаотряды никакой надежды нет. Они все без топлива. Наш бензин, завезённый зимой, пока в аэропорту есть. Будем рассчитывать на свои силы. Самолёт планирует вылететь завтра, но без своего технического обслуживания, не хватает техников по эксплуатации самолётов. Этот вопрос будем решать на месте. А пока займи людей делом, чтобы не слонялись и не разлагали дисциплину.

– Наше дело исполнять, – Виталий больше не стал пререкаться.

Алексей Михайлович и сам не знал, как они будут работать и будет ли финансирование на текущий сезон. Самолёт прилетит, но без финансов он не сделает и одного вылета. Проблемы имелись во всём: в финансировании, в отсутствии исправных самолётов, в отсутствии технического обслуживания, в снабжении, в отсутствии топлива, в отсутствии тренировок. Про зарплату думать вообще не хотелось. Было такое впечатление, что её выплачивать вовсе никто не собирается. Голова пухла от проблем, но один он ничего решить не мог. Хорошо ещё, что подчинённые не устраивали забастовок и ему верили, а начальник, как никто другой, знал, что в некоторых семьях денег не имелось даже на хлеб. Глава семьи улетит, прыгнет где-нибудь в глухую тайгу в самое пекло, а голова его будет занята не укрощением стихии, а думами о семье,

о хлебе насущном. Его-то самого худо-бедно без продуктов в тайгу не отправят, а о семье он должен заботиться сам.

Подошёл летчик-наблюдатель или летнаб, как все привыкли его называть. Юрий Васильевич слыл самым опытным лётчиком-наблюдателем, не считая, конечно, начальника отделения, всегда весёлый, энергичный, подтянутый и неунывающий. Ему не стукнуло ещё и сорока.

– Алексей Михайлович, самолёт завтра вылетит или нет?

Этот, один и тот же вопрос, Шипову изрядно надоел, но он не подал и виду, понимая, что подчинённые и так все взвинчены от безденежья и без привычной работы до предела. Шипов обстоятельно объяснил, что о готовности самолёта ему уже доложили, сейчас лайнер комплектуют всем необходимым и завтра, при наличии лётной погоды, он должен вылететь. Возможно, самолёт доберётся до Сосенок за один день. Сказав всё это, он сам совсем не был уверен, что самолёт прилетит и всё пойдёт, как по маслу.

– Готовьтесь, я сделаю всё возможное, чтобы сразу приступить к полётам. Думаю, что всех оттренируем вовремя.

– Хорошо бы.

– Дождёмся самолёта, а тогда уже и будем что-то планировать. Лето обещают жаркое, работы хватит всем.

– А как же финансы?

– Про финансы знаешь и сам по прошлым годам, их никогда нет, но когда загорит, финансы обязательно найдутся – так было всегда!

– Это я знаю. Деньги – такая штука, что их всегда нет или не хватает.

– Вот и я о том же. Деньги будем изыскивать в процессе сезона, а сейчас меня интересует только ваша готовность.

– Мы готовы всегда. Группы укомплектованы, обучены, остались тренировки по прыжкам с самолёта.

– Вот и хорошо. Людей на работе не держи. Если делать нечего, отпускаяй домой. Успеют ещё наработаться, – распорядился Шипов.

– Как раз дома-то им быть надоело до чёртиков. Все рвутся прыгать. На работу в начале лета идут, как на праздник.

Очередной рабочий день угасал. Впереди было целое лето, на которое Шипов возлагал большие надежды. Когда горит лес – это, конечно, плохо, но их работа заключалась в том, чтобы тушить лесные пожары. Будут пожары, значит, будут прыжки с парашютом и заработок. Парадокс, но от этого никуда не деться. Он сел за бумаги, проверяя ещё и ещё раз юридическую готовность подразделения, чтобы в горячий сезон на эти вопросы не отвлекаться.

* * *

Лесной посёлок Листвянка располагался на краю огромного лесного массива. Он в своё время и возник, благодаря заготовкам леса, но потом вырубку леса запретили. В близлежащем лесном массиве возник заповедник, а местное население переквалифицировалось на сельское и домашнее хозяйство. Половина работоспособного люда перебивалась на случайных заработках да на обслуживании туристов, посещающих заповедные места. Случалось, что в лесу и охотились, но только высокие чины по каким-то специальным разрешениям – это происходило редко и не афишировалось, но, как говорится, слухами земля полнится. Никогда такие наезды в тайне не оставались. Местное население знало об этих безобразиях, но помалкивало. Лес кормил и снабжал не только заезжих чинов. Все деревенские мужики что-то из леса тянули в дом.

Василий Валерьевич Федорцов служил лесничим. Создавалось такое впечатление, что его поставили на должность и тут же о нём забыли. Вспоминали только тогда, когда надо орга-

низовать охоту для очередного гостя. Заработную плату он получал от случая к случаю, правда, кое-что перепало, когда организовывал выезд туристов в заповедник. Снабжение отсутствовало полностью. Бывшие вырубки, дороги и просеки зарастали кустарником и березняком, лес в этих местах становился наименее проходимым. Один он за всем уследить не мог, хоть и имел крепкое телосложение, а ещё проще – низкорослый крепыш. Он ходил всегда в камуфляже, с карабином на плече, в каких-то замысловатых опорках на ногах, в магазине такие не продавались. Карабин ему полагался по долгу службы. Он почти никогда не стрелял, но карабин в лес брал с собой на всякий случай. Случаев таких не возникало, но привычке своей лесник не изменял. Мелкие нарушители его боялись и старались в конфликт не вступать, а он, в свою очередь, понимал, что в крестьянском хозяйстве без даров леса не обойтись: кому-то надо жердь, кому-то смастерить топорыше, кому-то поправить изгородь, а заготовка веников всегда, как само собой разумеющееся занятие. На мелкие нарушения Федорцов просто закрывал глаза, но не забывал каждый раз предупреждать о недопустимости таких нарушений.

Местный народ его выслушивал, каялся и опять продолжал нарушать. Эти нарушения изначально заложены в законодательстве, которое предусматривало жизнь у леса без дров, как, впрочем, у моря без рыбы, в сельском хозяйстве без сенокосных угодий и тому подобное.

Вот и сейчас он встретил Егорку Сопочкина, который тащил из леса две берёзовые жерди. Егор, увидев его, встал, как вкопанный.

– Ну, и куда тащишь? – спросил Федорцов.

– Тык, ведь, надуть огород-от чинить. Жёнка послала за жердями. В магазине не продается, где же ещё взять, как не в лесу?

– А чего разрешение не выписал?

– А ты его разве дашь?

– Нет, не дам. Иди в контору, но и там не дадут. Лес заповедный, вырубки запрещены.

– Вот поэтому и не выписал. А вдруг ты не увидишь? Лес-то большой, от двух жердей не убудет.

– Ты, поди, уже на целый огород натаскал?

– Не, только две. Не будешь же ты меня казнить за две жерди?

– За две не буду, просто выпишу штраф, чтобы больше не воровал.

– Ты что, Валерьяч, с каких же заработков мне штраф платить? Я безработный и жена не работает.

– Ты же недавно работал, я сам видел.

– Это была халтура! В магазин груз привезли, вот я и робил, вместе с другими. Работа кончилась, и я опять безработный.

– Ладно, если нужны жерди, пойдём, покажу, где рубить, надо расчищать просеки. Мне одному всё равно не справиться. Отработаешь за украденные жерди. Не дай Бог полыхнёт, а у нас нет даже противопожарных разрывов.

– А чё оно полыхнет? Сам знаешь, которое лето льют дожди, сено невозможно заготовить.

– Вот поэтому все и успокоились. Денег нынче на лесоустройство не выделяют совсем. Раньше здесь имелось пять егерей, техника, снабжение, а нынче я один. Дали только две руки и голову. Как хочешь, так и крутись! Помнишь ведь сам, как мужики раньше расчищали просеки.

– А чё тебе крутиться? Зарплата идёт, и ладно. Раньше был леспромхоз, вот и вырубали, а теперь это никому не надо. Одни запреты, а дело не делается.

– Где же идёт зарплата? Третий месяц без неё родимой. Мой дом крайний, сгорит первый, если случится пожар. Просил технику в местной администрации, но там всё время жалуются на нехватку средств, так ничего и не дали. Народ совсем обленился, даже траву не окашивают вокруг домов. Кругом валяются окурки, того и гляди где-нибудь загорится. А ещё эти, сосунами я их зову, засосут из горлышка «полторашку», окурки в зубы и дальше хоть трава не расти. Разбрасывают свои окурки направо и налево, – Василий взял у Егора одну жердь.

Они сходили на просеку, вернулись вдвоём обратно и пошли в посёлок. Так вдвоём и пришли, держа в руках по одной жерди.

– Валерьяч, ну, я пошёл, – Егорка как-то виновато, взяв жердь, начал пятиться к своему дому.

– Иди, больше не нарушай.

Василий Валерьевич, постояв на крыльце, вошёл в дом. Жена Василиса находилась дома. Пахло щами, хлебом, домашним теплом и уютом. Звали супругов одинаково. Один раз, познакомившись и узнав, что являются тёзками, они решили, что это судьба, и уже больше не расставались. Жена выглядела женщиной не худенькой, но очень какой-то обтекаемой и приятной. Мягкий голос, неторопливые движения, женственные формы заставляли деревенских мужиков невольно поворачивать вслед головы. Она это знала, но старалась красоваться только перед своим мужем. Родила она Василию двух сыновей, двух коренастых крепышей. Старший похож на отца, хозяйственный, трудолюбивый, прилежный, а младший пошёл в мамку, и похож на неё, и склонен больше вертеться у матери. Сейчас они находились в школе.

– Васильчик, обедать будешь? – спросила хозяйка.

– А как же? Конечно, буду. После обеда пойду снова. Слишком сухо в лесу. С утра поймал одного нарушителя.

– Это кого же?

– Егорка Сопочкин.

– Тоже мне, нашёл нарушителя, мужик мухи не обидит. Нёс, наверно, какую-нибудь сушину на дрова.

– Так и есть, срубил две жерди.

– И за это ты его наказал?

– Да кто же его наказывать будет? Если за это наказывать, весь посёлок надо наказывать, и меня тоже. Предупредил, да показал, где брать жерди.

– Вот и правильно. Люди берут не со зла, а из необходимости. Времена такие, что ничего не купишь: или нет товара, или нет денег.

Он обнял Василису за плечи.

– Ты у меня голова. Тебе бы сельской головой быть, сразу бы навела порядок.

Василиса прильнула к нему и замерла. В его огромных ручищах хорошо и уютно, пахло лесом, хвоей и дымом, но она знала, что вряд ли Василий разводил костёр в такую сушь. Просто дымом пропахла его одежда, ещё с весны, когда лежал снег. Он любил пить чай на свежем воздухе у костра в компании стройных сосен и ёлок. Для этого занятия имелись у него любимые места, где он делал привал и чаёвничал, доставая из припасов шаньги, выпеченные Василисой. Иногда он брал в лес своих сыновей, обучал их лесным законам и показывал все заветные места, а потом они втроём также пили чай у костра. Дети всерьёз считали, что чай у костра намного вкуснее домашнего.

– Отпускай меня, – шутливо сказала Василиса, – В меню только обед!

– А на десерт?

– А на десерт спустишься в погреб и занесёшь картошки. Потом можешь опять идти к своим соснам, – она тихонько отстранилась и стала накрывать на стол, а он всё ещё стоял и молча наблюдал за её плавными движениями, не в силах оторвать взгляда. – Иди, мой руки, не то до дыр просмотришь!

После обеда он увидел на придорожной поляне весёлую компанию. Молодые люди смеялись и веселились. Василий никого не узнал, вероятно, приехали на машине проездом. По громким голосам и выкрикам стало ясно, что не обошлось без горячительных напитков. Машина стояла на обочине дороги. В центре поляны горел костёр, накрыт импровизированный стол. Две молодые дамы, раздевшись до нижнего белья, пытались загорать, визжали и бегали по поляне. Гнус не донимал, так как стоял май месяц, и его ещё не было. Лёгкий ветерок нёс

весеннюю прохладу. Девы поёживались, но одеваться даже не думали. Трое парней, поглядывая на девиц, сидели у костра и после очередной стопки дымили сигаретами.

– Молодые люди, вы бы поосторожнее с огнём, – подойдя к костру, сказал Василий Валерьевич.

– Шёл бы ты, дядя, – ответил самый бойкий долговязый парень, но, покосившись на карабин, ничего говорить больше не стал.

– Мы ничего не нарушаем, просто отдыхаем, – добавил тот, что сидел в центре.

– А я вас ни в чём и не обвиняю. В лесу сухо, поэтому предупреждаю, чтобы обращались осторожнее с огнём и не разбрасывали окурки.

– Дядя, иди к нам, позагораем, – крикнула одна из девиц, – ты по возрасту как раз в женихи подходишь!

– Затухите после пикника костёр, – сказал Василий Валерьевич и покинул компанию. В дебаты вступать ему совсем не хотелось. Он почему-то был уверен, что костёр останется не затухшим. «Надо позднее проверить», – подумал он, углубляясь в лес.

* * *

Самолёт наконец-то прибыл. Утром он вылетел с базы и к вечеру добрался до Сосенок. В отделении с утра царило оживление, собрался почти полный штат. Все что-то делали, суетились, что-то перетаскивали, наводили порядок, готовили комнату для экипажа. К концу рабочего дня все разошлись по домам, осталось только руководство ждать самолёт. До прилёта оставалось ещё полтора часа. За пятнадцать минут до приземления машина авиаотделения находилась возле самолётной стоянки.

Наконец с южной стороны из-за леса показалась чёрная точка, постепенно увеличиваясь и принимая знакомые контуры. Ан-2 сделал резкий разворот, снизился, и колёса мягко коснулись бетонной полосы. Знакомый звук поршневого двигателя весело огласил окрестности, нарушив тишину затухающего весеннего дня, спугнув стаю чаек, облюбовавших для своей тусовки бетонные плиты.

Прилетел знакомый экипаж, который работал здесь до этого один сезон. Самолёт оказался загружен, как говорят, «под завязку»: какие-то ящики, стремянка, техническое имущество, инструмент, личные вещи – всё это лежало в общей куче и, казалось, что разбирать придётся целые сутки. Не прошло и десяти минут, всё оказалось рассортировано, разложено и прибрано. Лайнер прибыл без технического состава. Володя Рябинин, командир экипажа, сказал:

– Михалыч, я, как и обещал, прибыл без техников, изыскивай их среди местного населения, у нас техники летом в дефиците.

– Завтра утром начнём искать.

– Нет, ищи сегодня, завтра надо летать. Пройдёт некоторое время, чтобы оформиться и утрясти все вопросы.

– Как скажешь, начнём искать сегодня.

Искать особо оказалось некого. Действующий инженер со всеми допусками имелся один. Существовали, правда, и другие специалисты, но у всех имелись те или иные недочёты: у кого-то не та специальность, у кого-то просрочены документы. Экипаж и Шипов сразу стали искать нужного инженера, но дома его не оказалось. Жена сказала, что он улетел в областной центр, дала адрес и телефон. С ним связались по телефону:

– Алексей Викторович, – сказал Шипов, – Мы бы хотели с Вами работать. У нас прилетел самолёт, а технического персонала нет.

– Что же Вы с утра не позвонили. Я сегодня днём как раз устраивался на работу и был принят. У Вас я работать не против, но теперь мне надо согласовывать совмещение со своим новым начальством. Завтра я прилечу, мы всё обговорим.

– Завтра нам надо лететь.

– Сегодня я Вам никаких обещаний давать не буду, мне надо согласовать. Даже если к вам устроюсь на работу, необходимо будет время, чтобы привести самолёт в порядок до его вылета.

– Хорошо, до завтра, – Шипов положил трубку, – Пойдём, Володя, сегодня вы ужинаете у меня.

– Ужин очень кстати, за день проголодались.

– «Хоромы» вам приготовлены, после ужина можно отдыхать.

– Здесь я буду жить один, второй пилот изъявил желание жить в гостинице.

– Это дело ваше, комната у меня приготовлена на три человека, с телевизором, с электрообогревом и другими мелкими удобствами.

Ужинали, успевая делиться новостями и планами предстоящей работы. Андрей, второй пилот, молчал. Он был молод, неопытен и предпочитал не вступать в разговоры старших, а больше уделять внимания вкусной и здоровой пище.

– Знаешь, Михальч, мы настроены летать, – толковал командир самолёта, – Для этого сюда к вам, в глушь, и прилетели. Ты уж извини, что я так называю ваши места. Решим вопрос с техническим обслуживанием, и давай нам работу.

– Полёт в областной центр за грузом и тренировки вам обеспечены, а дальше будем терпеть начальство, чтобы разрешили «патрулёжку». Как всегда, денег нет, и не обещают. Полёты будут стараться нам урезать. Так что, Анатолич, придётся тебе здесь жениться и окапываться, иначе без полётов и работы засохнешь.

– Не расстраивай меня, Алексей Михайлович, полёты должны быть, мы с тобой ещё летаем. Я сейчас пойду отдыхать, устал за день, а завтра утречком я к тебе зайду.

Алексей Викторович Синичкин прилетел утром на рейсовом самолёте. Его встречали экипаж и начальник отделения.

– Ну что, Алексей Викторович, поработаем? – спросил командир самолёта.

– Поработаем, если будет нормальная зарплата. Сейчас работодатели привыкли требовать много работы и мало платить, или не платить совсем.

– Ты не беспокойся, я сделаю всё, чтобы у тебя был нормальный заработок. Надо лететь за парашютами, пожалуйста, готовь самолёт и полетим.

– Самолёт я подготовлю, но не так быстро. Мне надо его досконально осмотреть, устранить неисправности, оформить документы и, в конце концов, оформиться на работу.

– Самолёт готовь, а оформляться давай в процессе работы. Считай, что ты работаешь с момента нашего вылета с базы.

– Хорошо, я переоденусь, пообедаю и приступлю к работе, но на сегодня вылет не планируйте. Самое раннее – завтра утром. Надо разобраться с давлением масла, я предполагаю, что у вас произошло, но наша с Вами задача не допустить этого в последующих полётах.

С давлением масла Алексей разобрался быстро. Неисправность ввели искусственно, неумышленно конечно, а просто по незнанию или неопытности, но на устранение он потратил уйму времени и сил. Закончил основные работы к полуночи, позвонил Шипову:

– Самолёт для первого полёта готов, но сделал не всё, буду доделывать после возвращения. Я бы хотел..., – он запнулся, формулируя в уме свою просьбу, – Я знаю, что у вас будет полная коммерческая нагрузка, но мне надо проверить работу двигателя и желательно полететь с вами этим рейсом.

– Наши мнения совпадают. Я как раз хотел тебя об этом просить, но по другой причине: чужие самолёты там тормозят и просят платить за работу «наличкой» за каждую не оказанную услугу. Хотелось бы, чтобы ты летел с нами, чтобы избежать лишних затрат на обслуживание.

– В этом ты прав, ко мне соваться не будут, решено – утром летим. Ставлю тебя в известность, что на самолёте нет десантных тросов. Не знаю, как лайнер выпустили с базы без тросов. Прилетим, буду искать в своих заначках.

– До завтра.

Самолёт прибыл в областной центр к полудню. Экипаж сразу ушёл принимать решение на обратный вылет, а к лайнеру ринулась группа людей с разных направлений. Алексей Викторович вышел и демонстративно начал осматривать самолёт. Шедшие люди, увидев инженера, с которым ранее уже встречались, как будто споткнулись, резко развернулись и ушли по своим неотложным делам, как будто их здесь и не было. Алексей усмехнулся, а Шипов сказал:

– Завидев тебя, передумали подходить.

– А при мне им тут делать нечего.

– Вот это мне и надо, чтобы не приходили и не требовали оплату.

– Пока я здесь, больше не подойдут, разве что поздороваться.

Загрузившись парашютами, вылетели обратно.

Тренировки прошли по намеченному плану. На другой день в назначенное время в небе раскрылись разноцветные купола. Прыгали по три, четыре человека. И новички, и опытные десантники приземлялись к выложенному знаку.

Правда, изредка какого-нибудь новичка из-за сильного ветра относило немного в сторону, но всё выполнялось в рамках правил. Десантники помогали друг другу, укладывали парашюты и снова прыгали. В этот день все плановые тренировки выполнили. Члены семей приходили смотреть, как прыгают их мужья и отцы. Прохожие, не занятые на работе, также задирали головы вверх и с интересом наблюдали, как раскрываются в небе купола, закручиваясь иногда в немыслимые спирали, плавно перемещаясь по горизонтали, но неизменно приближаясь к выложенному белому знаку приземления в центре поля. Мальчишки тыкали пальцем в небо, горячо обсуждая едва различимые фигуры и угадывая в них знакомых десантников.

Завершал прыжки, как всегда, Виталий Семёнович Ганов с российским флагом, приземлившись точно в центре выложенного знака.

На следующий день руководство разрешило патрулирование лесов. Опять с утра в отделении царило оживление, сборы и в итоге одна группа, погрузившись в машину, выехала на аэродром к своему самолёту.

Алексей Синичкин занимался обслуживанием рейсового самолёта, а экипаж АН-2, как и было условлено, ждал, когда он освободится. Патрульный самолёт вылетел и растворился в бескрайних просторах голубого неба.

На этом полёты самолётов авиаотделения оказались закончены. Вечером пришла телеграмма начальника управления гражданской авиации о том, что он запрещает полёты патрульного самолёта, экстренные вылеты на пожар только с его личного разрешения. Чем руководствовался начальник управления, он конечно не объяснял. Ходили упорные слухи, что не дают летать из-за того, что самолёт не принадлежал управлению, а прибыл с другого ведомства, а интересы своего управления ценились дороже. Но это ходили только слухи. Как бы там ни было, а пришвартованный самолёт застыл на стоянке. Никакие уговоры диспетчеров службы аэронавигации ни к чему не приводили. Они ссылались на телеграмму и следовали указаниям сверху, не выпуская самолёт в полёт.

И экипаж, и начальник авиаотделения, и десантники опять ходили хмурые и невесёлые, их в очередной раз лишили работы и, следовательно, заработка, а это, в свою очередь, рушило и дальнейшие семейные планы. Далёкому начальнику управления наплевать, что люди ничего не заработают. Он преследовал какие-то свои цели, возможно, далёкие от всей гражданской авиации.

Вскоре пожар случился. Шипов немедленно запросил разрешение на вылет. Всех заинтересованных лиц подняли по тревоге и ждали только команду, но команды не поступало.

С управления гражданской авиации сообщили, что начальник в отпуске на берегу одного из южных морей, а без его личного разрешения никто не может выпустить самолёт. Лес в труднодоступной местности горел и разгорался, а пожарный самолёт стоял на стоянке и не мог вылететь. В этот день так ничего и не добились: звонил и начальник отделения, и командир экипажа, и аэронавигация, но никто не хотел брать на себя ответственность.

Лес горел.

Начальник управления гражданской авиации отдыхал на юге.

Десятки людей слонялись без дела.

Самолёт стоял без движения.

Только на другой день какой-то клерк из управления связался с начальником, он дал разрешение об единичном вылете на пожар.

Лес разгорелся не на шутку. Ганов, прибывший с группой на пожар, сразу вызвал подмогу. Самолёт прилетел второй раз и выбросил ещё одну группу. Общими усилиями пожар удалось локализовать, через трое суток он окончательно сдался. Выгорела изрядная площадь. Ещё бы сутки промедления, огонь вряд ли сдался бы так быстро. Десантников, уставших и измученных, вывез вертолёт.

* * *

Когда Василий Валерьевич подошёл во второй раз в сумерках к кострищу, на поляне никого не оказалось. В костре дотлевали остатки дров, его так и не затушили. Вокруг костра выгорел изрядный участок сухой травы, но огонь затух сам по себе, тлели отдельные очажки. Раздуваемые ветром искры иногда вспыхивали небольшим пламенем, но трава хоть и высохла, влажная земля не давала распространиться огню. Федорцов тщательно затоптал тлеющие участки, убедившись, что огонь больше не вспыхнет, направился домой. Самые проблемные участки он осмотрел, костров и отдыхающих больше не обнаружил. День угасал. В лесу стояла относительная тишина, нарушаемая только пересвистыванием лесных пичужек да сорокаговорунья, сопровождавшая Федорцова, сообщала всему лесному сообществу о приближении человека. По всем признакам на следующий день дождя не предвиделось. Солнце спускалось к ясному, без туч, горизонту.

Василиса встретила его накрытым столом. Парила картошка. В ладке лежал запечённый большой карась. Карасей Василий Валерьевич приловчился ловить в луже, которую озером назвать не поворачивался язык. Весной местная речушка разливалась, оставляя после спада воды в ивовых зарослях в логах маленькие озера, в которых и водились караси. У Федорцова имелась своя прикормленная лужа, в которой караси водились наиболее крупные. Он не хищничал, доставал пару карасей в хитроумную ловушку и уходил, оставляя остальных жить и размножаться, иногда их ещё и прикармливал. Свежая рыба на столе у него дома имелась всегда.

Хозяйство их, хоть и небольшое, но хлопот с домом всегда много. Этим летом он планировал заменить несколько подгнивших стоек, починить покосившийся забор. А ещё надо заготовить для коз сено. Сенокосная страда не за горами, не успеешь оглянуться, как подойдёт время косить траву. Кроме коз имелись в хозяйстве куры, собака и два кота. С одним котом, правда, приключилась забавная история. Однажды он пропал. Кот был ласковый, спокойно ходил в гости к соседям, но один раз с прогулки не вернулся. Хозяйева оббежали всех соседей, искали во дворе, на улице – кота нигде не было. Так прошло несколько дней и все решили, что его разорвали собаки или загрызли лесные звери. Федорцовы взяли снова маленького котёнка, а, спустя примерно месяц, кот Кешка объявился и, как ни в чём не бывало, пришёл к своим дверям. Василиса, выглянувшая во двор, его не узнала. Кешка заметно подрос, вытянулся, но всё так же ласково ткнулся в ноги и замяукал. Пришлось брать обратно в семью прежнего жильца. С тех пор кот Кешка больше не пропадал. Если и выходил на улицу, то ходил по двору

следом за хозяевами или усевшись на дерево, внимательно следил за перемещением людей и животных, выполняя роль охранника.

Собаку Василий в эти дни в лес не брал, чтобы не разоряла гнёзда.

Дом построил ещё отец, тоже лесничий, а он в то время был пацаном и помогал отцу по мере своих детских сил. Потом отца не стало, а Василий стал полновластным хозяином. Вместе с Василисой управлялись с хозяйством. Летом в доме командовала Василиса, а он пропадал все дни в лесу, а иногда и ночью, если уходил далеко. Зимой работать становилось проще. В лесу делать нечего, по глубокому снегу гости в лес почти не навевывались. Все следы виднелись, как на ладони. Оставалось больше времени для домашнего хозяйства. Помогал детям делать уроки и сам вспоминал давно забытую школьную программу.

Когда он входил домой, дети делали вид, что готовят уроки. Он догадывался, что пока он отсутствовал, они пропадали на улице. Вот ребята и листали старательно учебники, но он видел, что им хочется спать. Вот и сейчас время уже позднее, голова у них плохо соображала.

– Уроки все сделали? – спросил он нарочито строго.

– Не-е-т, – ответил младший, – Додельываем.

– Ну, додельывайте и пока не сделаете, спать не разрешу.

– Вася, баня истоплена, ребята помылись, а я ещё не ходила, – доложила хозяйка.

– Баня, как нельзя, кстати. Сейчас перекушу и пойдём, а чай после бани погоняем.

Василий, наскоро поев, отправился вслед за Василисой в баню. Баня находилась прямо в доме, стоило только миновать холодный коридор. Летом в коридоре не холодно, а немного прохладно, после душевой комнаты он даже несколько освежал.

Василиса, раздевшись, лежала на полке. Федорцов стоял и любовался на свою жену. Гладкое безукоризненное тело сверкало белизной, слепило глаза. Округлые формы в нужных местах притягивали, манили и зачаровывали. Он стоял и смотрел, не отрывая глаз.

Василиса же, прикрыв глаза, нежилась и улыбалась.

– До дыр просмотришь! – донеслось с полка.

Василий Валерьевич взялся за обычную работу: распарив и размочив берёзовый веник, он кинул на каменку ковшик горячей воды и принялся хлестать веником жену, приговаривая:

– Это тебе за ужин!

– Это тебе для профилактики!

– Это на всякий случай!

– А это исключительно из любви.

Василиса только улыбалась, вытянув своё белое тело, и наслаждалась лёгким паром. Она закрыла глаза и только слегка поворачивалась, подставляя под веник участки покрасневшего тела. Капельки пота, как бисеринки скатывались вниз и тут же вновь возникали новые.

– Вася, а лес не загорит? – спросила она, переводя дух, – Последнее время у меня нехорошие предчувствия, я почему-то всё время боюсь пожара.

– Загорит – будем тушить. Выкинь всякую дурь из головы.

– Но я боюсь. Мне почему-то кажется, что лес в наше время никто тушить не будет.

– Частично ты, может быть, и права. Реформы выкосили людей, как траву во время страды. Разрушен слаженный механизм, который создавался десятилетиями. Может это и правильно, что даже тушение пожаров должно быть рентабельным, но не такой же ценой! Борьба с пожарами отдана в регионы на откуп арендаторам леса и за их счёт. Понятно, что деньги на ветер бросать никто не будет, запастись дорогостоящей техникой, пожарными средствами, лишними людьми. Задача любого арендатора лесного участка, как можно больше с него урвать любыми путями, а потом хоть трава не расти! Лесхозы, как сельские, так и государственные, реформированы и реорганизованы, людей не осталось, задачи стали другие. Лес стал практически бесхозным, а всякие запреты только усугубляют положение дел. Взять хотя бы мой участок. Разве мне одному по силам здесь что-то наладить? За день я не успеваю даже обойти свой уча-

сток, а ещё должны быть санитарные рубки, восстановление повреждённых участков, охрана, горы документации, обеспечение выездов начальства и многое другое, что даже в голове не укладывается. Если лес загорит, я один ничего не сделаю. Могу запросить только помощь, но когда эта помощь придёт, никто не знает, отлаженного механизма, который существовал, нет.

– Разве не можешь подсказать своему начальству, как обстоят дела?

– У нас слова никто не отнимал, но никто его и не давал: чем больше молчишь, тем будешь здоровее и целее. Начальство прекрасно знает всё положение дел. На все вопросы ответ один – нет средств. Их и в самом деле нет. Заготовка леса, где она была, остановлена. Леспромхозы сами по себе распались. Деревообрабатывающие заводы не работают. Частные предприниматели без средств, техники, объёмов, погоды не сделают. Если и заготавливают лес, то с минимальными для себя затратами. Лес теперь принадлежит каким-то мифическим московским фирмам, которые скупают огромные участки, но ничего там не делают. На самом же деле лес остаётся бесхозным.

– Шёл бы ты на другую работу.

– А где она другая? У других людей её вообще нет, а если и есть, то они не получают зарплату. Некуда мне идти! Буду на своём посту до конца своих дней.

– Васенька, давай я тебя попарю. Отдохни хоть в бане от работы.

Они, отдохнув в предбаннике, поменялись местами. Теперь Василий весь находился во власти берёзового веника, кряхтел, терпеливо вынося беспощадные удары берёзовых веток с листиками. Василиса била, не жалея ни Василия, ни веника. Поддав в каменку ковшик горячей воды, она снова хлестала и хлестала своего мужа.

А потом состоялось вечернее чаепитие. Василий Валерьевич поставил на стол самовар, который дети догадались согреть до их прихода. Самовар дышал жаром и самодовольно поуркивал, как кот, которого гладят. Чай Федорцов заваривал всегда сам, не доверяя эту деликатную процедуру родным. Василиса заваривала чай только тогда, когда хозяина не было дома. Заварной чайничек он водрузил на конфорку сверху, чтобы чай дошёл до кондиции.

Вся семья находилась в сборе и сидела за столом. От окружающей обстановки веяло теплом и уютом. И, казалось, время остановилось, все дела и заботы отошли на второй план.

На другой день он получил сообщение о крупном пожаре в соседнем районе. Беда их пока не коснулась, но она ходила рядом. Также сообщили, что лес тушила авиалесоохрана. Он облегчённо вздохнул, значит, не всё рухнуло. Авиация работает, можно надеяться на её помощь. По прошлым годам он знал, что пожарная авиация обнаруживает и тушит пожары в зародыше, не давая им разгореться. От этого только всем хорошо: и лес остаётся цел, и работа у десантников есть, и лесхозам хорошая помощь. Его задача вовремя сообщить и позвать помощь.

День набирал силу. Федорцов в лес не торопился. Из опыта он знал, что все неприятности возникают во второй половине дня, когда в лес потянутся вереницы людей.

Сейчас таковых немного, но начнётся грибная пора, лес просто наводнится людьми. Ярых нарушителей единицы, но окурок может заронить любой человек, совсем не умышленно, или не потушить, как в прошлый раз, костёр. Разводить костры пока никто не запрещал, распоряжения такого не издано, значит, и он запретить этого тоже не может, остаётся только вести контроль.

Василиса во дворе гремела кастрюлями, хлопоча по хозяйству. Ниоткуда возник Егорка Сопочкин.

– Василий Валерьевич, так я пойду, срублю ещё пару жердей? – спросил он.

– Я же тебе сказал: руби, только в отведённом месте. Место я тебе показал.

– Ну, я пошёл.

– Иди, да не кури там.

– Ты же знаешь, что я не курю.

– И других тоже предупреждай, чтобы огнём не баловались.

Федорцов послонялся немного по двору, но не вытерпел и пошёл осматривать своё хозяйство, не забыв прихватить карабин. Без леса он жить не мог, там был его второй родной дом, где лесничий знал каждый кустик, каждую тропинку, каждую поляну. Ему даже казалось, что деревья с ним здороваются, по крайней мере, не цепляются за одежду, как к другим посетителям леса. На травянистых местах сквозь старую сухую траву пробивается молодая поросль. Он думал о том, что тепло в этом году наступило рано. Земля, если не будет больших дождей, высохнет уже к июню. Скорее бы пробилась молодая трава, которая для огня является серьёзным препятствием, но в лесу подстилка из хвои и старых шишек всё равно будет сухая. Зелёные кустики голубики, черники, брусники и других ягод не будут для всёпожиряющего монстра серьёзной помехой.

* * *

Начальник региональной авиабазы связался с управлением гражданской авиации. Ему, как никому другому, хотелось знать, почему самолёт авиалесоохраны не летает по патрулированию лесов, а самолёты местных воздушных линий эту работу выполняют без каких-либо ограничений. Без патрулирования лесов остаются три района, самолёту разрешено обслуживать только пожары. Такое в его длительной практике случилось впервые. Вот он и решил выяснить этот вопрос напрямую в управлении гражданской авиации. Ничего вразумительного по телефону он не услышал. Ему сразу же сообщили, что начальник управления Самоедов находится в отпуске. Про запрет никто ничего пояснить не мог, только сказали, что это связано с безопасностью полётов, но в чём конкретно эта безопасность заключается, он так и не узнал. Получается, что другим самолётам летать по небу безопасно, а самолёту авиалесоохраны небезопасно, имея на это лицензию и соответствующие разрешительные документы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.